

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Канныкин С.В. «Бегущие тела» под линзой Мишеля Фуко // Философская мысль. 2024. № 5. DOI:

10.25136/2409-8728.2024.5.69784 EDN: CYQEUZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69784

«Бегущие тела» под линзой Мишеля Фуко

Канныкин Станислав Владимирович

кандидат философских наук

доцент, кафедра гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова
(филиал) НИТУ "МИСиС"

309516, Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол, микр. Макаренко, 42

✉ stvk2007@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.5.69784

EDN:

CYQEUZ

Дата направления статьи в редакцию:

07-02-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию формирования «социального тела» спортсмена-бегуна средствами анатомо- и биополитики, концепции которых разработаны М. Фуко. Автор решает такие задачи, как экспликация видов и особенностей дисциплинарных практик, используемых в подготовке специализирующихся на беговых видах легкоатлетов; анализ проявлений сопротивления и трансгрессии бегунов; исследование этической самотрансформации спортсменов в рамках фуколдианских «технологий самости»; выявление некоторых актуальных и назревающих проблем бегового спорта, связанных с отношениями власти, контроля, тела и знания. Также в работе предпринята попытка придать прикладное значение фуколдианским интерпретациям властных отношений во взаимодействии «тренер – спортсмен» с целью проблематизации анатомополитической власти и используемых в ее рамках дисциплинарных практик, что важно для развития субъектности и расширения возможностей реализации потенциала как спортсмена, так и тренера. Методология исследования базируется на концептуальном анализе теоретического наследия М. Фуко и рецепции идей французского философа российскими и западными учеными. Автором определены основные дискурсы, оказывающие наибольшее влияние на подготовку

спортсменов-бегунов (документы, выражающие государственную политику в области спорта; тексты академической науки; спортивные периодические издания; научно-популярные тексты, а также фильмы, художественные произведения, легенды и т.п.); проанализированы "дисциплинарные инструменты" спортивно-тренировочного процесса (планы подготовки, упражнения, специфическая организация времени и пространства, "иерархическое наблюдение", "нормализующие суждения", "признание", "экзамен"); выявлены виды сопротивления и трансгрессии бегунов; исследован механизм работы спортсменов-бегунов над собой в рамках «технологий самости» М. Фуко с целью повышения своего качества как этического субъекта; даны фуколдианские интерпретации некоторых актуальных и потенциальных проблем бегового спорта, способствующие их более глубокому пониманию (беговая зависимость; усиление контроля за бегунами при помощи технических средств; евгеника и неоевгеника; киборгизация спортсменов; допинг как компонент анатомо- и биополитики; авторитарные тренерские практики).

Ключевые слова:

философия спорта, бег, анатомополитика, биополитика, власть, трансгрессия, дисциплинарные практики, киборгизация, допинг, тренер

Наследие Мишеля Фуко (1926-1984), французского историка, культуролога и философа, уже несколько десятилетий плодотворно осваивается представителями разных направлений философии и социологии спорта. Обращаясь к американским, канадским и британским исследованиям, согласимся с мнением, что «важность понимания закономерностей *англоязычной* рецепции работ Фуко продиктована тем, что она формирует сейчас академический канон, задает идеологические, методологические, тематические образцы для исследователей в различных частях научного мира» [\[1, с. 48-49\]](#).

Прежде всего хочется отметить фундаментальный труд Пиркко Маркулы и Ричарда Прингла «Фуко, спорт и упражнения. Сила, знание и трансформация себя» [\[2\]](#), который содержит фуколдианские интерпретации отношений в спорте и фитнес-культуре тела, власти и идентичности, а также анализ конструирования спортивных социальных практик. Здесь исследуются способы, с помощью которых «спортивные тела» осмысливают влияющие на них социальные силы, а занятия фитнесом и спортом трактуются авторами как выражение свободы и площадки для социальных изменений. Привлекает внимание и объемное исследование Брайана Пронгера [\[3\]](#) с провокативным названием «Телесный фашизм: спасение через технологии физической подготовки», где автор, используя (и при этом нередко проблематизируя) обширный материал из работ М. Фуко, обосновывает свою главную идею: энергия тела уязвима для различных форм эксплуатации и подчинения, однако ее спасение в потенциале трансцендентности, которым обладает спорт.

Работа Дэвида Эндрюса [\[4\]](#) основана на подходе, раскрывающем биополитическую конституцию человеческого опыта. Это обосновывает авторский тезис о том, что генеалогия М. Фуко может плодотворно применяться в русле философской критики спорта. В публикации Джона Харгривза [\[5\]](#) показано, что контроль над внешним видом, лечением и функционированием тела (в том числе спортивным) является универсально важным аспектом социального порядка, а разработка и усовершенствование таких форм

контроля сыграли решающую роль в возникновении и развитии современных социальных формаций. Статья Джин Харви и Женеьевы Рейл^[6] демонстрирует, как ключевые концепции М. Фуко («эпистема», «дисциплина», «биовласть», «наблюдение», «паноптизм», «пристальный взгляд», «технологии самости», «субъективация») использовались в англоязычной и франкоязычной социологии спортивных обществ, раскрывая различные аспекты их социального бытия. Пиркко Маркула^[7] обращается к работам М. Фуко для исследования того, как в них материальность тела и физическое движение переплетаются с социальным анализом. Ричард Прингл^[8] сравнивает теоретические инструменты, заимствованные из работ А. Грамши и М. Фуко, в аспекте их использования для изучения спорта и маскулинности, исходя из предположения о том, что концепция маскулинной гегемонии опирается на особое понимание власти.

Поскольку предметом интереса автора данной статьи являются социокультурные аспекты различных *беговых* практик, особую значимость для данной работы представляют труды исследователей, изучающих сквозь призму воззрений М. Фуко технологии власти и самости в тренировочно-соревновательной деятельности «бегущих тел». В первую очередь следует отметить публикации, в которых даны фуколдианские интерпретации отношений тренера и спортсмена-бегуна, где зримо проявляются элементы анатомо- и биополитики, опосредованные разнообразными дискурсами. Речь идет о статьях Джима Денисона, Джозефа Миллса, Тимоти Коновала, Ричарда Прингла, Тани Кэссиди и Пола Хессиана^[9, 10, 11, 12, 13, 14], где показано, как чрезмерно контролирующие тренировочные практики могут объективизировать тела спортсменов и, как следствие, ограничивать их развитие, а также предлагаются менее ограничивающие свободу и инициативу спортсменов-бегунов, но при этом достаточно эффективные дисциплинарные техники, позволяющие атлетам одновременно повышать свою спортивную эффективность и проявлять фуколдианскую «заботу о себе», формируясь в качестве этических субъектов.

Люк Джонс, Зои Авнер, Джим Денисон^[15] применяют концептуальный аппарат М. Фуко для анализа изменения отношения к спорту бегунов, закончивших выступления на высшем уровне и находящихся в поиске новой идентичности; Уильям Бридел и Женеьева Рейл^[16] исследуют дискурсы о физической активности, беге и доминирующих представлениях о мужском теле бегунов-марафонцев, относящихся к сообществу гомосексуалов. Дэвид и Дженифер Джонс посвятили свое исследование рациону питания спортсменов, чтобы показать, как этот аспект дискурсивной практики преломляется через различные технологии власти как средства доминирования и «технологии самости» как средства трансформации атлетов^[17]; проблемы цифрового надзора над спортсменами привлекли внимание Эндрю Мэнли и Шона Уильямса^[18]. Отметим, что все эти публикации ранее не были представлены на русском языке и далее в статье цитаты из них даются в переводе ее автора.

Ряд российских ученых также проявили интерес к сопряжению концепций М. Фуко и актуальной проблематики социокультурной обусловленности спортивных практик. Значимыми для нашего исследования оказались работы В.И. Белозёрова^[19], где анализируются концепции французской и немецкой социологии спорта, в том числе рассматривающие некоторые аспекты спортивного конструирования телесности; М. А. Богдановой^[20], раскрывающей факторы и механизмы спорта как социальной техники, посредством которой происходит превращение биологического тела человека в «тело социальное»; Д. Куракина^[21], разрабатывающего культурсоциологию тела с опорой на

идеи Э. Дюркгейма и его последователей, к которым относится и М. Фуко; И. М. Быховской [22], рассматривающей соотношение понятий «физическая культура» и «культура тела», а также анализирующей отдельные современных телесные практики, включая спортивные, и проблемы, порожденные возрастанием возможностей воздействия на телесные аспекты бытия человека. На высоком методологическом уровне исследует проблемы сопряжения телесного и ментального в понимании физической культуры А. А. Воронин [23]; убедительно обосновывает возможность выделения социологии тела в самостоятельное научное направление Д.А. Старостина [24]; влияние современных технологий на формирование современной биополитики в отношении физической культуры и спорта эксплицирует О. В. Попова [25]; философский анализ понятия «дисциплина тела» представляет в своей статье Е. В. Шемякина [26]; на сближении анатомополитики и биополитики М. Фуко как двух типов и методов контроля и регуляции строят свой анализ допинговой ситуации в современном российском спорте А. Макарычев и С. Медведев [27].

Анализ рецепции идейного наследия М. Фуко зарубежными и российскими исследователями позволяет выявить отличие данного исследования от аналогичных, заключающееся в большем охвате (насколько это возможно в рамках одной статьи) концептуальным аппаратом французского философа социокультурных аспектов бытия спортивных беговых практик и, соответственно, достижении более объемного видения формирования «социального тела» спортсмена средствами анатоми- и биополитики. Это выразилось в постановке и решении таких задач исследования, как экспликация видов и особенностей дисциплинарных практик, используемых в подготовке специализирующихся на беговых видах легкоатлетов; анализ проявлений сопротивления и трансгрессии бегунов; исследование этической самотрансформации бегунов в рамках фуколдианских «технологий самости», а также выявлении некоторых актуальных и назревающих проблем бегового спорта, связанных с отношениями власти, контроля, тела и знания.

Также автором данной работы предпринята попытка придать некоторое прикладное значение фуколдианским интерпретациям властных отношений в системе «тренер – спортсмен». Очевидно, что в современном российском спорте беговые дисциплины находятся в глубокой стагнации. Достаточно сказать, что последняя олимпийская победа у российских бегунов-мужчин случилась ровно 20 лет тому назад, а статистические данные результатов ведущих бегунов и бегуний мира за 2023 год не оставляют нам даже малейшей надежды на пьедестал на крупнейших мировых соревнованиях. Причин этого кризиса много, но одной из них является непопулярность беговой специализации (особенно бега на длинные дистанции) у российских детей. Дело в том, что беговые тренировки на средние и длинные дистанции в основном направлены на стимулирование метаболической адаптации путем пробегающих отрезков определенной тренером длины с заданной им же скоростью. И вот большую часть тренировки дети «катают отрезки», а затем выполняют специальные беговые упражнения и занимаются общефизической подготовкой. Из них делают «послушные тела»,двигающиеся строго в одном направлении (против часовой стрелки), ограниченном линиями дорожек стадиона, с жестким хронометражем, постоянной пульсометрией, контролем техники, причем все это происходит строго в рамках повторяющихся циклов. Приказы тренера никогда не ставятся под сомнение, а дисциплинированность провозглашается главной добродетелью юного спортсмена. Много ли найдется детей, желающих тренироваться в такой обстановке, тем более, что в школе их каждый день ждет то же самое? Западные исследователи спорта, работы которых представлены в обзоре, ищут самые разнообразные способы подрыва этой анатомополитической власти (некоторые из этих

способов представлены далее), чтобы проблематизировать и регулярно нарушать дисциплинарные механизмы, лежащие в основе тренировок. Это делается для того, чтобы спортсмены постоянно сталкивались с новыми вызовами, к которым они должны быстро приспосабливаться, дабы научиться лучше контролировать свое развитие и быть активно участвующими субъектами тренировочного процесса, а не объектами властных манипуляций тренера в виде послушного тела. При этом постоянно развивается и сам тренер, поскольку тренировки и его личность приобретают процессуальность, которую можно постоянно изобретать заново и в меняющихся контекстах. Как нам представляется, такой подход очень важен для развития российского бегового спорта.

Дисциплинарные практики в подготовке спортсменов-бегунов

Физкультурно-спортивный контекст телесного бытия современного человека вызывает особый философский интерес к феноменологическому, экзистенциальному и социальному опыту *движущегося тела* [\[28\]](#), поскольку «движущееся тело <...> влияет на организацию всего пространства, на корпоративные императивы и самые разные политики идентичности (связанные с гендером, расой, социальными классами и т. д.). Оно выражает жизнеспособность (vitality) в ее продуктивных и физиологических характеристиках, движет сложную экономическую систему, выступает как значимая часть культурных идентичностей и различных политических практик» [\[22, с. 103\]](#); «двигаясь, тело создает свою реальность. Движение – это изначальный логос реального для нас, воплощенных. Голуби, по-видимому, не могут видеть, если они не двигаются, – вот почему они качают головами взад и вперед, когда ходят. Аналогичным образом, мы не «видим» реальность без движения. Если мы не двигаемся, нас нет. Для нас нет реальности без наших собственных движений» [\[3, с. 80\]](#).

В спорте движущееся тело – это прежде всего *бегущее* тело, поскольку на этом виде локомоции основаны многие спортивные дисциплины, а в ходе тренировочного процесса бег, в отличие от прочих видов движения, используется практически универсально, развивая не только скорость, выносливость и координацию, но и важные для спорта психологические особенности личности. Также важно отметить, что стайерский бег – наиболее массовый современный вид любительского спорта, которым занимаются сотни миллионов людей на всех континентах, а престижные беговые соревнования (в частности, марафоны-«мейджоры») – самые представительные в мировом масштабе мероприятия по количеству участников, где десятки тысяч стайеров разных возрастных, гендерных и прочих статусных групп стартуют «волнами» в одном забеге.

Следует учитывать, что «тело бегуна» – это такой же социальный конструкт, как и «балетное тело», «тело пловца», «тело бодибилдера» или «тело фитоняшки». Все они суть единство природного компонента («плоти» согласно М. Мерло-Понти), результатов ее преобразования при помощи различных методов и технологий («культурное тело») и в той или иной мере воплощенных в этом теле социокультурных стандартов, на которые ориентирована преобразующая плоть деятельность («социальное тело») [\[22, 24\]](#).

Воплощенным агентом формирования такого тела, концентрирующим в себе многие силовые линии власти, является **тренер**, руководящий поведением спортсмена, в том числе и за пределами спортивных практик, поскольку многие коучи уверены в том, что они должны максимально контролировать жизнь атлета и знать его лучше, чем сам спортсмен знает себя: «Алекс (имя тренера бегунов – С.К.) как-то заявил: «Я могу сказать вам, прочитав первую строчку утреннего сообщения от моей ведущей спортсменки, на какой фазе менструального цикла она находится» [\[13, с. 146\]](#); «Аарон

(имя тренера бегунов – С.К.) описал свой подход таким образом: «Возвращаясь к моим спортсменам: у меня, вероятно, больше таблиц Excel с их данными, чем у есть у НАСА, отправляющего кого-нибудь на Луну» [\[13, с. 143\]](#).

О каких же силовых линиях идет речь? В терминологии М. Фуко они называются «дискурсами». Отмечая трудность однозначного определения этого концепта, М. Фуко рассуждает о нем так: «...я имел в виду то общую область всех высказываний, то поддающуюся индивидуализации группу высказываний, то установленную практику, объясняющую определенное число высказываний» [\[29, с. 160\]](#). На примере подготовки бегунов для спорта высших достижений к дискурсам (в скобках приведены примеры) можно отнести документы, выражающие государственную политику («Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года»); тексты академической науки (классический труд Л. П. Матвеева «Основы спортивной тренировки»); спортивные периодические издания (журналы «Легкая атлетика» и Runner's World), научно-популярные тексты (книга олимпийского чемпиона в беге на 5 и 10 км В. П. Куца «От новичка до мастера спорта»), а также фильмы, художественные произведения, легенды, мифы, расхожие представления и т.п., касающиеся спортивного бега. Д. Ю. Куракин совершенно справедливо отмечает, что «...любой дискурс оказывается пронизан имманентными отношениями власти, что и дает ключ к разгадке принудительного воздействия дискурса на тело» [\[21, с. 66\]](#). Особую *символическую власть* (П. Бурдьё) над тренерами имеют научные тексты, так как в них, в отличие от политических программ, властные императивы скрыты за ширмой беспристрастной объективности: «легитимность науки достигается именно за счет сокрытия властных отношений, которые являются ее источником. Эффективность научных текстов – это способность совершать насилие, создавая нужное восприятие реальности, заставляя людей верить в эту реальность и скрывая тот факт, что они (тексты – С.К.) это делают» [\[3, с. 52\]](#). Также важно подчеркнуть, что все вышеперечисленное – это не просто *тексты*, это теоретические (в широком понимании) основания различных методик социального конструирования эффективного бегущего тела, это способы формирования *практик*.

Отсюда следует постановка М. Фуко еще одной задачи, «...которая не заключается – больше не заключается – в рассмотрении дискурсов как совокупностей знаков (означающих элементов, отсылающих к содержаниям или представлениям), а заключается в рассмотрении их как практик, систематически формирующих те объекты, о которых они говорят. Конечно, дискурсы составлены из знаков; но то, что сами они делают, – это больше, чем использование этих знаков для обозначения вещей. И это *больше*, которое делает их несводимыми ни к языку, ни к речи. Вот это самое «больше» и нужно показать и описать» [\[29, с. 111-112, курсив источника\]](#). К имеющим дискурсивную природу практикам («инструментам дисциплины»), осуществляемым в сфере подготовки бегунов, прежде всего относятся:

- **тренировочные планы**, в значительной мере регулирующие жизнь бегуна в виде «детального надзора», поскольку «дисциплина – это политическая анатомия детали» [\[30, с. 203\]](#). Это приводит к тому, что «график тренировок, который мне пишет тренер, определяет в моей жизни все: мои планы на вечер и утро, расписание моих выходных, место и время отпуска и даже то, с кем я буду или не буду общаться» [Ахмедова О. Бег навстречу себе. О марафонах, жизни и надежде. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 21]);
- **беговые упражнения**, связанные с улучшением физического тела бегуна на основе

подчинения воли тренера как носителя власти/знания и понимаемые в свете воззрений М. Фуко как «элементы политической технологии тела» [\[11, с.3\]](#): «Действие разбивается на элементы. Определяется положение тела, конечностей, суставов. Для каждого движения предусматриваются направление, размах, длительность, предписывается последовательность его выполнения» [\[30, с. 221-222\]](#);

- **организация тренировочных времени и пространства**: беговые упражнения предполагают такие дисциплинарные практики, как распределение тренером бегунов в четко сегментированном пространстве манежа или стадиона, где спортсмен совершает за тренировку десятки повторений однообразных движений, что приводит его не только к физической, но и к психологической усталости от монотонии. Тренером устанавливается расписание занятий, время преодоления той или иной дистанции и определяются интервалы отдыха, этапы, ритмы и циклы упражнений, при этом за ограниченное время занятия нужно успеть сделать как можно больше, поэтому тренер в беге – это всегда человек с секундомером как атрибутом власти над временем занятий. В «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» М. Фуко так описывает временные параметры контроля над деятельностью: распределение рабочего времени; детализация действия во времени; корреляция тела и жеста для экономии времени, чтобы не тратить его на слова. Таким образом, время выполнения упражнений также становится средством дисциплинирования и подчинения «бегущих тел»: «в тело проникает время, а вместе с ним – все виды детальнейшего контроля, осуществляемого властью» [\[30, с. 222\]](#);

- **«иерархическое наблюдение»**, когда за бегунами следит тренер (например, едет на велосипеде за группой стайеров), его ассистенты, далее группа наблюдает за каждым своим членом, а бегун еще постоянно контролирует себя. «Посредством иерархического наблюдения, например, тренер может внедрить дополнительные тренировки для непригодных, занятия по повышению квалификации для неквалифицированных и упражнения для наказания опоздавших. Таким образом, иерархическое наблюдение отражает связь между видимостью и властью: видимое тело – это познаваемое тело, которое впоследствии может стать объектом воздействия власти» [\[2, с. 41\]](#);

- **«нормализующие суждения»**: например, замечания и суждения тренера, которые корректируют технику и тактику бега или оценивают образ жизни спортсмена в свете возможности достижения поставленных задач. Таким образом, тренеры выступают не только носителями дисциплинарной власти, но и агентами нормализации;

- **«признание»**: беседы тренера со спортсменами «по душам», утешение или мотивирование – аналог пастырских практик как обращения за помощью и оценкой к «эксперту» – носителю *особого*, нетривиального знания, в силу чего ему дано право «прощать и разрешать». М. Фуко таким образом связывает «признание», познание и власть: «Итак, будем отправляться от того, что можно было бы назвать «локальными очагами» власти-знания, такими, например, как отношения, завязывающиеся между кающимся грешником и исповедником, или между верующим и наставником. Здесь – и под знаком «плоти», подлежащей усмирению, – различные формы дискурса: испытание самого себя, допросы, признания, интерпретации, беседы – в ходе непрекращающегося передвижения вперед и назад транспортируют на себе разнообразные формы подчинения и схемы познания» [\[31, с. 199-200\]](#);

- **«экзамен»** – это любое соревнование, а также тестирование («контрольный бег») физических и психологических кондиций спортсменов. «Экзамен» можно рассматривать

и как важнейшее средство индивидуализации, и как контроль эффективности всех дисциплинарных практик (поэтому он часто ритуализируется), доказывающий результативность спортивной трансформации тела, однако здесь проверяется квалификация не только спортсмена, но и тренера. Сверхцель «экзамена» в спорте – это рекорд.

Таким образом, обучение бегуна – это рациональный и предсказуемый процесс выполнения набора упражнений на основе максимально детализированного плана, собранных в определенной последовательности, это функциональная практика, базирующаяся на научно обоснованных принципах тренировки в ситуации «паноптикума» и имеющая целью сделать как можно более производительными послушные тела.

Раскрытые «инструменты дисциплины», используемые для подготовки бегунов-спортсменов, до сих пор активно используются едва ли не во всех дисциплинирующих организациях, особенно ярко и отчетливо проявляясь в тюрьмах и армии. Интересно отметить, что интервальные тренировки, являющиеся основой подготовки в беге на выносливость, были впервые использованы в армейской среде: «Рейнделлу и Гершлеру (врачам, которых обычно считают пионерами интервальных тренировок) было поручено очень быстро привести в форму солдат австрийской армии, которые в 1939 году готовились к войне. Вот откуда взялись интервальные тренировки. У них были тысячи армейских новобранцев, они проводили интервальные тренировки и обнаружили, что могут значительно увеличить максимальный показатель V_{O2} (потребления кислорода – С.К.) у солдат за шесть недель. Теперь, поскольку Гершлер также был тренером по легкой атлетике, он подумал, что сможет использовать эти знания со своими спортсменами» [\[13, с. 139\]](#). Важно добавить, что нередко великие бегуны были выходцами из сверхдисциплинарной, построенной на жесткой властной иерархии армейской среды, например олимпийские чемпионы Пааво Нурми, Эмиль Затопек, Владимир Куц и Абебе Бикила. На их примере мы можем лучше понять известное суждение М. Фуко: «Надо раз и навсегда перестать описывать проявления власти в отрицательных терминах: она, мол, «исключает», «подавляет», «цензурует», «извлекает», «маскирует», «скрывает». На самом деле, власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к ее продукции» [\[30, с. 284\]](#).

Соппротивление и трансгрессии бегунов

Однако же не следует забывать, что помимо процессов подчинения и превращения в «послушное тело» М. Фуко интересуют и процессы противостояния власти, которые он описывает, используя термины «технологии самости (в других переводах – «технологии себя», «технологии «я»))» и «субъективация». В отличие от другой формы господства – *насилия*, «...власть организуется согласно двум требованиям <...>: «другого» (того, кто испытывает на себе власть) должно признавать и сохранять до конца в качестве субъекта действия; перед отношениями власти должно открываться целое поле возможных ответов, реакций, последствий, изобретений» [\[14, с. 180\]](#). Одним из таких ответов является борьба с властью, которая ставит целью не освобождение от нее, что в принципе невозможно в такой сложной системе, как общество, но увеличение свободы индивида в ее рамках. В работе «Субъект и власть» [\[32, с. 161-190\]](#) М. Фуко различает три типа такой борьбы: противостояние формам господства (например, этническим, социальным и религиозным); противостояние эксплуатации, т.е. отделению индивида от производимого им; а также наиболее актуальное для современности противостояние

всему тому, что привязывает субъекта к самому себе, тем самым обеспечивая его подчинение другим. Власть, согласно М. Фуко, не принуждает фатально, поэтому всякий, испытывающий властное воздействие, имеет некие степени свободы в реакции на него. Например, спортсмен может выразить неудовольствие решениями тренера, отказаться выполнять некоторые упражнения или указания, в знак протеста не выкладываться в полную силу на соревнованиях, в конце концов уйти к другому наставнику или вовсе из спорта. Французский философ подчеркивает, что «...в отношениях власти необходимо имеется возможность сопротивления, так как если бы не было возможности сопротивления – сопротивления насилием, бегства, коварства, стратегий, переворачивающих ситуацию, – отношений власти не существовало бы вовсе» [\[32, с. 257-258\]](#).

Джон Бейл предлагает дифференцировать противостояние доминирующим социальным установкам на сопротивление и трансгрессию. Различие между ними в том, что первое выступает как «действие против какой-либо нелюбимой сущности с намерением изменить или ослабить ее влияние» [\[33, с. 209\]](#), а второе Д. Бейл понимает как выход за пределы границ нормальности, который иногда бывает непреднамеренным. Примерами «нелюбимых сущностей» могут быть политические режимы, идеологии, спортивные чиновники, допинг, наркотики и т.п. Так, во время церемонии награждения на Олимпийском стадионе в Мехико 16 октября 1968 года два афроамериканских спортсмена, Томми Смит и Джон Карлос, выигравшие соответственно золотую и бронзовую медали в беге на 200 метров, во время исполнения гимна США, находясь на пьедестале почета, подняли кулаки в черной перчатке и до окончания исполнения гимна не опускали руки. Также стоит отметить, что в забегах на этой Олимпиаде они участвовали исключительно в черных носках. Это был их протест против угнетения афроамериканцев в США, одно из самых откровенных и известных политических заявлений в истории современных Олимпийских игр. Еще один пример: немецкий бегун Отто Пельтцер (1900-1970), обладатель трех мировых рекордов в беге на средние дистанции, победивший на глазах берлинской публики легендарного Пааво Нурми, национальный герой Германии, не скрывал свою гомосексуальность (что для нацистов было равносильным признанию в дегенеративности и наказывалось в соответствии с параграфом 175 УК Германии), открыто критиковал рейхспорткомиссара и публиковал в эмигрантских СМИ статьи против фашистского режима. За это он был лишен немецкого гражданства, приговорен к тюремному заключению, а затем помещен в концлагерь, где пробыл до конца войны, чудом выжив. Сопротивление сквозит и в действиях Хассибы Булмерки – алжирской олимпийской чемпионки 1992 г. в беге на 1500 м, которая подвергалась на родине травле и получала угрозы убийства за то, что не соответствовала стандартам мусульманской женщины, слишком обнажая свое тело на тренировках и соревнованиях, но не прекращала беговые практики, хотя и вне Алжира, оказывая стимулирующее влияние на процессы женской эмансипации в исламских государствах.

К примерам трансгрессии можно отнести первые победы африканцев над европейцами в беге на средние и длинные дистанции. Дело в том, что «в начале 1950-х годов на Западе преобладало мнение, что африканские легкоатлеты, как и афроамериканцы, обладали большой скоростью, но небольшой выносливостью» [\[33, с. 224\]](#), поэтому средний и длинный бег считался уделом европеоидных спортсменов, олицетворением которых были скандинавские и славянские бегуны. Однако олимпийским чемпионом на марафонской дистанции в 1956 г. стал алжирец Ален Мимун, а в 1960 году – эфиоп Абебе Бикила. Еще одним проявлением трансгрессии является известная фотография

обладателя девяти золотых олимпийских медалей, выдающегося спринтера Карла Льюиса, который снялся в рекламе шин Pirelli в образе спортсмена, начинающего бег с низкого старта и обутого в женские туфли на высоких каблуках. Надпись на фото гласит: «Мощность – ничто без контроля». Это ироническая реклама, конечно, существенно расширяет границы представлений о допустимом в контексте брутальной гетеросексуальной мужественности. Также к трансгрессии можно отнести победы пейсмейкеров (на жаргоне легкоатлетов – «зайцев»), задача которых «вести» по дистанции определенного бегуна на нужный результат, а затем сойти или отстать, чтобы дать возможность ведомому успешно выступить. Пейсмейкеры, как правило, зарабатывают этим. Однако известен случай «зайца» из Кении Элайджа Мбого, который должен был помочь выиграть Сингапурский марафон 2007 г. своему соотечественнику Амосу Матуи, но в итоге сам победил в забеге.

Итожа сказанное, отметим, что существует множество точек сопротивления, которые модифицируют и изменяют ход властных отношений, конечно, не выводя субъекта из них полностью. Спортсмены-бегуны неизбежно находятся в сети исторически обусловленных властных отношений, посредством которых они подвергаются нормализации и контролю, но в то же время они вольны конституировать себя как субъектов, воздействующих на других, на основе использования *контрвозможностей* этих же властных отношений. Этот двоякий процесс, согласно М. Фуко, связывает бегуна с его идентичностью посредством совести или самопознания, т.е. идентичности формируются с помощью постоянного размышления о себе и признания в своих проблемах, что М. Фуко называет самоинтерпретацией, «герменевтикой самости» или «герменевтикой субъекта» [33]. Это означает научиться распознавать дискурсы власти, понимать механизм их работы на основе проблематизации, а затем анализировать свои действия в их рамках. Тем самым спортсмен научается видеть себя и как объекта, и как субъекта властных отношений, становится способным отдать себе отчет в том, как занимаясь спортивной деятельностью он постигает свою человеческую сущность и свои идентичности.

Работа спортсменов-бегунов над собой в рамках «технологий самости»

Ослабление доминирования власти открывает перед спортсменом дополнительные возможности самореализации, например в виде конструирования себя как этического субъекта. Это важнейшее измерение бытия спортсмена, поскольку соревновательная деятельность организуется в сфере поведенческих норм и правил, т.е. в этической плоскости. Совершенствуя себя как моральное существо, согласно М. Фуко, атлет должен в первую очередь понять этический кодекс спортивной деятельности (что однозначно запрещено (например, допинг); что из незапрещенного «хорошо» (поделиться водой с соперником на марафонской дистанции) и «плохо» (отказываться от своей очереди возглавлять группу бегунов в длительном забеге); как надо трансформировать себя, чтобы максимально соответствовать этическому кодексу, при этом не превращаясь в его раба, т.е. выбирая из множества способов «вести себя морально» наиболее органичные для себя. М. Фуко выделяет четыре аспекта самотрансформации: этическую субстанцию, способ подчинения, этическую работу и телос [31, 35, 36, 37].

Этическая субстанция – это та часть субъекта, которая должна быть подвержена «работе над собой». Например, бегун может подвергнуть сомнению такую часть своей спортивной идентичности, как индивидуализм или даже эгоизм, что, как он считает, создает ему плохую репутацию и препятствует дальнейшему спортивному развитию. Бег – индивидуальный вид спорта, не развивающий, в отличие от командных видов,

способность сопереживания и навык взаимной поддержки. «Горькая правда состоит в том, что участливость и внимательность к другим – не то, что следует ожидать со стороны тех, кто переживает только за секунды и минуты» [Ахмедова О. Бег навстречу себе. О марафонах, жизни и надежде. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 277].

Способы подчинения – это правила или инструменты («аскеты»), смиряясь с которыми или используя их спортсмен намерен исправить ситуацию, например больше общаться с другими бегунами, участвовать в совместных тренировках, оказывать помощь советами, экипировкой и т.п., эмоционально поддерживать других атлетов на соревнованиях, заниматься благотворительной деятельностью и пр.

Этическая работа – это многократное воспроизведение, развитие и адаптация под конкретные ситуации практик, относящихся к способу подчинения.

Телос – это цель этической работы над собой, которой может быть улучшение своего имиджа, получение большей спонсорской поддержки, максимальное продление спортивной карьеры или желание стать более «качественным» человеком.

Таким образом, в этической работе основное внимание уделяется преобразованию самого себя (а не кодекса поведения) в этического субъекта посредством саморефлексии и аскетических практик, при этом индивид не выходит за пределы этического дискурса, но трансформируется в нем, улучшая свое качество и положение. Важно отметить, что для работы над собой, согласно М. Фуко, прежде всего следует осознать ограничения своей спортивной идентичности, а затем подбирать практики свободы для их преодоления. Эти практики требуют «этической заботы о себе, которая актуализируется в самоэстетизации: индивид, критически осознающий дисциплинарное воздействие доминирующих спортивных дискурсов на свою идентичность, активно решает изменить себя и, формируя более эстетичное «я», продвигает этические практики, использующие власть с минимумом доминирования» [2, с. 153]. В этом случае забота о себе становится и заботой о других: формируя в тренировочном процессе совершенное тело, спортсмен объединяет при использовании «технологий себя» эстетическое и этическое, продвигаясь на пути к идеалу столь любимой М. Фуко античной культуры – калокагатии.

Идейное наследие М. Фуко и некоторые проблемы современного бегового спорта

Исследования М. Фуко позволяют использовать новые инструменты для осмысления сущности спортивных практик, детерминированных исторически обусловленным набором дискурсов (эпистемой), представляющих собой арены осуществления анатоми- и биополитики, техник дисциплинирования и нормализации, паноптического контроля и самообъективации. В фуколдианском поле идейного напряжения «власть/знание – спорт – тело» новое освещение получают политические, расовые и гендерные аспекты спортивной деятельности, а также темы, связанные с допингом, эйблизмом, эйджизмом, евгеникой и технологиями «постчеловечества», объединяющими спортивное тело с искусственными объектами.

Далее кратко рассмотрим некоторые актуальные и назревающие проблемы бегового спорта, связанные с отношениями власти, контроля, тела и знания в рамках антропо- и биополитики.

1. Беговая зависимость. Эта проблема чаще всего затрагивает спортсменов-любителей (например, пробегающих марафон быстрее трех часов), чье отношение к спорту называют «полупрофессиональным»: результаты таких бегунов очень далеки от мировых

рекордов, но они относятся к бегу как к «серьезному досугу», уделяя тренировкам гораздо больше сил, внимания и средств, чем необходимо только для поддержания себя в форме. О беговой зависимости говорят тогда, когда такого рода активность становится главным поставщиком эндорфинов, бегун-любитель выходит на тренировки с невылеченными травмами, он ставит личные беговые занятия и связанные с этим потребности (например, финансовые) выше неотложных проблем членов своей семьи. Лишенный возможности тренироваться так, как он считает нужным, бегун сталкивается с симптомами «отмены», включающими раздражительность, агрессивность, тревожность и угнетенность. Как пишет О. Ахмедова, «нет ничего плохого в том, чтобы бегать, но если бег становится целью существования и человек не может думать ни о чем другом и жить ничем другим, то такая зависимость – это биопсихосоциодуховное заболевание» [Ахмедова О. Бег навстречу себе. О марафонах, жизни и надежде. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 56-57].

Как нам представляется, любительский бег – это способ путь кратковременного, во многом иллюзорного, но *освобождения* от тягот и рутины повседневности, достижения умиротворения, активизации творческого потенциала, вхождения в потоковые состояния сознания. Но в рассматриваемом случае он превращается в свою противоположность, становясь способом «...подчинения модернистскому стремлению к суверенитету и спасению в жизни, которую описывают как по сути недостаточную» [3, с. 225]. Современная беговая индустрия, рассчитанная на массового потребителя, – это часть властного проекта управления людьми как ресурсами и их эксплуатации. Накопление бегунами-любителями «физического капитала» тщательно контролируется официальным признанием и учетом «личных рекордов» (PB), в соответствии с которыми бегуны ранжируются и получают доступ к престижным забегам. Поддержка безличной, нецентрированной властью, пронизывающей отношения бегунов, постоянного стремления к улучшению PB – это еще один способ сделать людей послушными и дисциплинированными субъектами, лозунгом которых в стайерском беге является фраза «нет боли – нет результата». Здесь «боль» становится метафорой принесения в жертву дискурсам современности, которые ярко выражаются в спорте, полноте своей жизни, а иногда и счастья близких людей.

2. Усиление контроля за бегунами при помощи технических средств. Сегодня невозможно представить себе бегуна-спортсмена без специализированных гаджетов, которые передают информацию о тренировках и соревнованиях через приложения в компьютеры. Как правило, этими гаджетами являются спортивные часы с функциями (в зависимости от типа и цены) пульсометра, акселерометра, измерение VO2 max, расчета каденса (частоты шагов), отображения местоположения на основе GPS в режиме реального времени, определения темпа и расстояния бега. А. В. Кыласов совершенно обоснованно полагает, что многие естественные навыки, в том числе беговые, в настоящее время «...должны сочетаться с уверенным использованием гаджетами навигации и перспективной возможностью удаленного доступа для контроля за действиями со стороны родителей – жены/мужа – компании – государства» [38, с. 283]. Таким образом, бентамовско-фуколдианский паноптикум дополняется новым неусыпным и неподкупным контролером – техническими средствами, которые сопровождают бегуна повсюду и следят за параметрами его тела даже во время сна. Ни в коем случае не отрицая многоаспектной положительной значимости технических средств контроля, тем не менее, укажем на то, что этот вид надзора представляет человека биомеханически – в виде совокупности измеренных числом его телесных параметров, но проблема в том, что числа просты и мертвы, а человек сложен и – особенно в виде бегущего тела – вопиюще жив. Однако дистанционный контроль тренера за бегуном через анализ цифровых

данных и *соприсутствующий* контроль на стадионе, в манеже или на кроссовой тропинке существенно различаются, поскольку в первом случае у тренера не активизируются зеркальные нейроны, что происходит при непосредственном наблюдении за действиями бегуна и является основой эмпатии. Объективность цифрового контроля редуцирует бегуна до объекта, увеличивая экзистенциальную дистанцию между ним и тренером в ее опосредовании цифровыми технологиями. Видимое глазами и представленное в цифровых значениях тело – это онтологически разные явления. Вот как В. С. Гроссман в «Жизни и судьбе» описывает переживания героини: «Никогда Евгения Николаевна не думала, что человеческая спина может быть так выразительна, пронзительно передавать состояние души. Люди, подходившие к окошечку, как-то по-особому вытягивали шеи, и спины их, с поднятыми плечами, с напряженными лопатками, казалось, кричали, плакали, всхлипывали» [Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: ООО Издательство «Э», 2017. С. 1179-1180]. Как это представить «в цифре»? И спина бегуна, изможденного длительным забегом в сложных погодных условиях, способна сказать о его состояниях души не меньше. Добавим, что спортсмен, как правило, не информируется о способах интерпретации цифровых данных, что делает его еще более зависимым и подконтрольным, ограничивая возможности оспаривать тренерские решения и предлагать альтернативный взгляд на то, что следует считать наиболее точной оценкой результатов деятельности, порождая чувства недоверия, тревоги, незащищенности и тем самым снижая готовность к сотрудничеству.

3. Евгеника и неоевгеника. В фантастическом романе датского спортсмена, журналиста и писателя Кнуда Лундберга (1920–2002) «Олимпийская надежда: история, произошедшая на Олимпийских Играх 1996 г.» [Lundberg K. The Olympic Hope: a story from the Olympic Games, 1996. S. Paul, 1958], опубликованном на датском языке в 1955 году и на английском языке в 1958 году, описывается, в частности, рождение финалиста олимпийского забега на 800 м Фридриха Хазеньегера. Это событие произошло вследствие реализации евгенического проекта, реализованного вымышленным К. Лундбергом тоталитарным государством, существующим на территории Германии во второй половине XX века, в рамках того, что М. Фуко называл биополитикой. Суть проекта в том, что семенем Хуберта Хазеньегера – лучшего бегуна Германии и двукратного победителя Олимпийских игр, были оплодотворены 1000 наиболее успешных немецких женщин-бегуний на 400 и 800 метров. Родившихся от этой процедуры детей (в том числе и Фридриха Хазеньегера) в восьмимесячном возрасте, после завершения грудного кормления, изымали у матерей, проверяли физические кондиции и соответствующих определенным параметрам мальчиков и девочек раздельно готовили к спортивной карьере в специальных учреждениях и в условиях жесточайшей конкуренции с ежедневными соревнованиями и безжалостной отбраковкой проигравших.

Сегодня, после полной расшифровки генома человека, говорят о неоевгенике, которая позволяет ученым существенно продвинуться в объяснении генотипической обусловленности особенностей организма, наиболее подходящих для того или иного вида спорта, а также осуществлять генетический анализ такой предрасположенности у конкретного человека. Заинтересованное в олимпийских чемпионах государство (корпорация, богатая семья и т.п.) вполне может пойти по стопам придуманной Кнудом Лундбергом неонацистской Германии и развивать практики редактирования генома человека на зародышевой стадии, обеспечивая тем самым «специализированных» детей, например для бегового спорта высших достижений. В случае успеха такого рода антропотехник, обобщенных до биополитики, «естественным» людям, при всем их старании, места на олимпийских соревнованиях не найдется. В этой связи показателен пример Кастер Семени — бегуни на средние дистанции из ЮАР, которая в 2012 и в 2016

гг. стала олимпийской чемпионкой на дистанции 800 метров. Она не подвергалась редактированию генома, но у нее от природы уровень мужских гормонов в три раза выше, чем у среднестатистической женщины, фактически она гермафродит. Эта генная мутация обеспечила ее преимущество на женских забегах, что стало поводом для судебных разбирательств в Спортивном арбитражном суде и, поскольку Кастер Семеня не лишена своих олимпийских наград (так как не была доказана ее вина в указанной трансформации), определило одно из направлений генетической работы над созданием тела спортсмена-бегуна.

4. Киборгизация спортсменов. М. Фуко говорил о том, что человек – это порождение дискурса гуманизма, шире – всякий субъект конструируется, принимает идентичности и функционирует в рамках определенных дискурсов. Если верить Ф. Ницше, то религиозный дискурс божества мертв; если верить М. Фуко, то мертв и светский дискурс гуманизма. Оформляющийся дискурс *постчеловечества* формирует соответствующие тела: во время подготовке этой статьи в СМИ прошла информация о том, что Илон Маск объявил об успешном вживлении в мозг человека нейрочипа, что позволит новоиспеченному киборгу управлять гаджетами буквально усилием мысли. Такого рода модернизации человека, ставящие его в некое промежуточное положение – уже не «чисто» человек, но при этом еще не «машина» – с одной стороны, маргинализируют субъекта, но, с другой стороны, – расширяют его свободу, являются примером фуколдианских «технологий самости», проявляющихся в междискурсной номадичности субъекта. Ярким провозвестником постчеловеческой модификации бегущих тел является спринтер из ЮАР Оскар Писториус. Родившись без малоберцовых костей в обеих ногах, он в 11 месяцев от роду был подвергнут ампутации стоп и в дальнейшем передвигался только на протезах. Являясь многократным чемпионом Паралимпиад в беге на 100, 200 и 400 м и чувствуя в себе намного больший потенциал, чем позволяет реализовать «спорт для инвалидов», он начал соревноваться с «обычными» бегунами и достиг выдающихся результатов, выполнив на протезах квалификационные нормативы для здоровых людей на чемпионат мира (2011 г.) и Олимпийские игры (2012 г.), где вышел в полуфинальную стадию соревнований. 19 июля 2011 г. О. Писториус показал в Линьяно (Италия) время 45.07 на дистанции 400 м; для сравнения – чемпион России в беге на 400 м среди здоровых людей в 2023 году финишировал с результатом 45.41. Фактически О. Писториус представлял из себя киборга в широком значении этого слова, поскольку перемещался на высокотехнологичных сверхлегких углепластиковых протезах стоимостью более 30 000 долларов, при этом добавим – киборга, отчаянно сопротивляющегося биовласти, поскольку спортивные функционеры потратили очень много сил, чтобы сломать его протест против принятой категоризации тел, научно (а у современной власти это основной способ осуществления анатомополитики) обосновать преимущества, которые дают ему в беге протезы, и вернуть его в группу «спортсмены-инвалиды». Случай О. Писториуса заставляет по-новому ставить вопросы о классификации субъектов в зависимости от их телесности, критериях и свободы выбора идентичностей, сосуществовании «обычных» и «модифицированных» тел и границах нашего биологического вида.

5. Допинг как компонент анатоми- и биополитики. Для всехсовременных государств победы их спортсменов на международных соревнованиях являются важным элементом укрепления имиджа и повышения престижа страны. В этой связи понятно, почему использование допинга становится элементом не только анатоми- (властный контроль над отдельными органами тела или субъектами), но и биополитики (то же в отношении больших социальных групп). Вот как эту ситуацию описывают А. Макарычев и С. Медведев: «Спорт, по-видимому, является одной из тех областей, в которых

анатомополитика и биополитика сливаются для выработки и формирования стратегий и отношений суверенной власти. Спортивная жизнь – это область радикальной анатомополитики, в которой все физические характеристики выступающих человеческих тел абсолютно необходимы для ее реализации: вес, рост, возраст, пол, мышечная выносливость, эмоциональный подъем и так далее. Это отдельные тела спортсменов, которые тренируются, упражняются, соревнуются и выигрывают или проигрывают. В то же время биовласть в области спорта проявляется как производительная сила для создания аффективных сообществ болельщиков, которые празднуют как коллективные биополитические субъекты и чьи эмоциональные инвестиции имеют решающее значение для формирования национальной идентичности» [\[27, с. 4\]](#).

Так, в уже упоминавшемся фантастическом романе Кнуда Лундберга рассказывается история двух участников финального забега на 800 м из СССР Конева и Власова (в романе они безымянны), которые, едва научившись ходить, принимали участие в детских забегах, а затем, победив на всех региональных соревнованиях, отправились с родителями в Москву на чемпионат СССР в беге на восемьдесят метров среди четырехлетних детей. Занявшие призовые места дети изымались из семей (родителям вручался бронзовый крест (именно так в тексте – С.К.), восьмицилиндровый роскошный автомобиль и предоставлялось пожизненное государственное обеспечение с правом посещения соревнований с участием их детей в качестве компенсации). После изъятия из семей Конев и Власов учились и тренировались в специальном спортивном лагере безо всякой связи с внешним миром. В таких тренировочных центрах над детьми ставились эксперименты, в частности некоторым бегунам были ампутированы руки чуть выше локтя, однако данная практика была признана неудачной, так как это нарушало баланс тела и ритм бега. Затем бегунам стали связывать руки и препятствовать их развитию, отчего Конев и Власов имели очень мощные ноги, огромную грудную клетку, но дистрофические передние конечности. Автор романа упоминает о том, что подготовка каждого из них обошлась Советскому Союзу в 15 миллионов датских крон, а за победу на Олимпиаде было обещано звание Героя Советского Союза.

Как видно из этого художественного текста, в тоталитарных обществах допинговые программы иницируются, внедряются и поддерживаются государством, превращая «... тела отдельных спортсменов в медицинские и фармацевтические машины, устраняя их врожденные особенности и, в некоторых случаях, даже их пол (как это произошло с восточногерманской толкательницей ядра Хайди/Андреасом Кригером, которая превратилась из женщины в мужчину благодаря широкому использованию стероидов и гормонов)» [\[27, с. 3\]](#). Таким образом, тело спортсмена становилось государственным ресурсом, который модифицировался и использовался для достижения идеологических и символических целей.

Возвращаясь от фантастики к современным реалиям, отметим, что к наиболее известным примерам использования бегунами допинга относятся случаи дисквалифицированных *олимпийских чемпионов* Бена Джонсона (США) (бег на 100 м), Марион Джонс (США) (100 м, 200 м, эстафета 4x400 м), Юлии Зариповой (РФ) (3000 м с препятствиями), Аслы Альптекин (Турция) (1500 м), Рашида Рамзи (Бахрейн) (1500 м). В соответствии с идеей М. Фуко о производности всех аспектов *социального* от доминирующего дискурса (в случае нашей современности – «постчеловеческого») в начале февраля 2024 г. сооснователь PayPal миллиардер Питер Тиль объявил о том, что будет финансировать «Олимпиаду на стероидах» – Enhanced Games. Эти соревнования планируется провести в 2025 году, и все участвующие в них спортсмены могут принимать любые вещества для улучшения результатов. Данное мероприятие, как указывают его организаторы,

нацелено на изучение влияния допинга на расширение границ человеческих возможностей.

6 . Авторитарные тренерские практики. Согласно М. Фуко, тренерские практики относятся к анатомополитике и преследуют цель сделать бегущие тела послушными (дисциплинированными), чтобы через внедрение в них выбранных коучем знаний и трансформаций при помощи упражнений в специально организованной по временным, пространственным и прочим параметрам обстановке обеспечить развитие их максимальной производительности как спортсменов. Следует помнить, что всякая (а не только тренерская) власть всегда расширяет свой охват способами, которые естественным образом способствуют культуре одинаковости и уступчивости, а не уникальности и сопротивления. Однако чем послушнее спортсмен, тем он менее инициативен и более зависим от тренера. *Это приводит к тому, что в непредсказуемой (в отличие от заранее распланированной тренировки) соревновательной ситуации бегун теряет, поскольку он не приучен мыслить и действовать самостоятельно.* В этой связи актуальной является задача поиска таких тренировочных методов, которые предполагали бы уменьшение ограничений дисциплинарных техник, используемых для подготовки бегунов, чтобы раскрепостить волю спортсмена и сделать его более инициативным. Так, для развития чувства времени спортсмены могут бегать отрезки без использования секундомера, затем сверяя свои ощущения скорости с показаниями таймера тренера. Пространственное расположение может проблематизироваться (и тем самым осваиваться другими способами) изменением мест тренировки и бегового покрытия, бега на нестандартные дистанции или только до достижения определенного самочувствия, а также варьированием очередности начала бега в составе группы. Бегуны, желающие испытать чувство максимального напряжения и понять, как им действовать в этих условиях, должны иметь возможность периодически вводить себя в это состояние выбранными ими способами в силу уникальности личных пределов. Планирование тренировок из-за особенностей восстановления спортсменов также необходимо обсуждать с ними. Можно предположить, что если некоторые беговые упражнения имеют меньший физиологический эффект по сравнению с традиционными дисциплинарными практиками, но углубляют понимание спортсменом специфики своего тела и «психологического я», то эти упражнения имеют в итоге положительную значимость. Главный смысл этих трансформаций тренировочного процесса – уход от доминирования чисто физиологических знаний, ориентированных на трактовку бегуна как биомеханического устройства, и базирующихся на этом дисциплинарных методов, превращающих тренировочный процесс в пространство принуждения и тотального контроля, опасного для физического и психического здоровья спортсмена. В интервью, озаглавленном «Этика заботы о себе как практика свободы», М. Фуко говорит: «Я не вижу, где зло в практике того, кто <...> зная больше другого, говорит ему, что он должен делать, учит его, передает ему знание, сообщает ему методы; проблема, скорее, в том, чтобы узнать, как в этих практиках – где власть не может не играть и где она сама по себе не плоха – избежать эффектов господства <...>. Я полагаю, что необходимо поставить эту проблему в терминах правил права, рациональных техник управления и этоса, практики самости и свободы» [\[32, с. 267\]](#).

Заключение

Многие положения теоретического наследия М. Фуко обладают эвристической значимостью для философии спорта, поскольку предоставляют эффективный инструментарий для анализ социальных и культурных факторов (а также их связей с властью и идеологией), которые влияют на спортивную деятельность и ее акторов.

Очевидно, что спортсмены обретаются в общественном пространстве, составляющими которого являются различные агенты, техники и практики власти, к которым относятся программы развития национального спорта, планы физкультурно-спортивных достижений, спортивные чиновники, тренеры, СМИ, бюджеты, спортивная медицина, этические нормы, соревнования, а главное – бесконечное число отношений (в нашем контексте главное из которых – это взаимодействие тренера и спортсмена), через которые флюиды власти проникают в спортивные тела, иногда жестко, но чаще исподволь подчиняя их своей воле. В современном мире спорт стал сферой институционализированной идеологической обработки, направляющей движущиеся тела к эпистемически (власть/знание) детерминированному образу жизни. В этой связи спортсменам важно понять, что каждый из них не только должен научиться быть «послушным телом», но и иметь возможность и стремление в рамках дискурсивно обусловленной спортивной подготовки быть активным субъектом в формировании самого себя. Это напряжение между устремленности спортсмена к максимальной самореализации, риску, рекорду, спортивному творчеству и прочим феноменам свободы и властью, дисциплинарностью, иерархичностью среды, где эти устремления могут эффективно осуществляться и быть признанными, заставляет все чаще обращаться к философским концепциям, которые проблематизировали такого рода ситуации, в частности к идеям Мишеля Фуко.

Библиография

1. Руднев Ю. В. Два тела Фуко (очерк современного состояния Foucault Studies) // Полития. 2015. №4 (79). С. 48-68.
2. Markula P., Pringle R. Foucault, Sport and Exercise: Power, Knowledge and Transforming the Self. London: Routledge, 2006. doi: 10.4324/9780203006504
3. Pronger B. Body Fascism: Salvation in the Technology of Physical Fitness. Toronto: University of Toronto Press, 2002.
4. Andrews D. L. Desperately Seeking Michel: Foucault's Genealogy, the Body, and Critical Sport Sociology // Sociology of Sport Journal. 1993. № 10. Pp. 148-167.
5. Hargreaves J. The Body, Sport and Power Relations // The Sociological Review. 1985. № 33. Pp. 139-159. doi:10.1111/j.1467-954x.1985.tb03304.x
6. Harvey J., Rail G. Body at Work: Michel Foucault and the Sociology of Sport // Sociology of Sport Journal. 1995. № 12. Pp. 164-179. doi:10.1123/ssj.12.2.164
7. Markula P. Contextualizing the Material, Moving Body // Newman J. I., Holly T., David A. (eds.) & 22 more. Sport, Physical Culture, and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 2020. Pp. 47-68.
8. Pringle R. Masculinities, Sport, and Power: A Critical Comparison of Gramscian and Foucauldian Inspired Theoretical Tools // Journal of Sport & Social Issues. 2005. Volume 29. № 3. Pp. 256-278. doi: 10.1177/0193723505276228
9. Denison J., Mills J. P. Planning for distance running: coaching with Foucault // Sports Coaching Review. 2005. № 3:1. Pp. 1-16. doi: 10.1080/21640629.2014.953005
10. Denison J., Pringle R., Cassidy T., Hessian P. Informing Coaches' Practices: Toward an Application of Foucault's Ethics // International Sport Coaching Journal. 2015. № 2. Pp. 72-76. doi: 10.1123/iscj.2014-0147
11. Luke J., Denison J. Jogging Not Running: A Narrative Approach to Exploring «Exercise as Leisure» after a Life in Elite Football // Leisure Studies. 2019. № 38.6. Pp. 831-844. doi: 10.1080/02614367.2019.1662831
12. Konoval T., Denison J., Mills J. The cyclical relationship between physiology and discipline: one endurance running coach's experiences problematizing disciplinary practices // Sports Coaching Review. 2018. № 8. Pp. 1-25. doi: 10.1080/21640629.2018.1487632

13. Mills J., Denison J. Coach Foucault: problematizing endurance running coaches' practices // *Sports Coaching Review*. 2013. Vol. 2. № 2. Pp. 136-150. doi: 10.1080/21640629.2014.913871
14. Pringle R. Social Theory for Coaches: A Foucauldian Reading of One Athlete's Poor Performance A Commentary // *International Journal of Sports Science & Coaching*. 2007. Volume 2. № 4. Pp. 385-393. doi: 10.1260/174795407783359641
15. Jones L., Avner Z., Denison J. «After the Dust Settles»: Foucauldian Narratives of Retired Athletes' «Re-orientation» to Exercise // *Frontiers in Sports and Active Living*. 2022. № 4. Pp. 1-11. doi: 10.3389/fspor.2022.901308
16. Bridel W., Rail G. Sport, Sexuality, and the Production of (Resistant) Bodies: De-/Re-Constructing the Meanings of Gay Male Marathon Corporeality // *Sociology of Sport Journal*. 2007. № 24. Pp. 127-144. doi:10.1123/ssj.24.2.127
17. Johns D., Johns J. Surveillance, subjectivism and technologies of power: An analysis of the discursive practice of high-performance sport // *International Review for The Sociology of Sport*. 2000. № 35/2. Pp. 219-234. doi: 10.1177/101269000035002006
18. Manley A., Williams S. «We're not run on Numbers, We're People, We're Emotional People»: Exploring the experiences and lived consequences of emerging technologies, organizational surveillance and control among elite professionals // *Organization*. 2019. № 29. Pp. 1-22. doi: 10.1177/1350508419890078
19. Белозёров В. И. Социология спорта во Франции и в Германии // *Теория и практика общественного развития*. 2022. № 3 (169). С. 45-50.
20. Богданова М. А. Рождение новой телесности в практиках спортивного движения // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. № 1. С. 64-69.
21. Куракин Д. Модели тела в современном популярном и экспертном дискурсе: к культурсоциологической перспективе анализа // *Социологическое обозрение*. 2011. № 1-2. С. 56-74.
22. Быховская И. М. Физическая культура как культура тела: антропологический контрапункт природного и социального // *Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки*. 2020. № 4 (40). С. 92-109.
23. Воронин А. А. Антропологические основы спорта: к постановке вопроса // *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 4. С. 96-107.
24. Старостина Д. А. Социология тела как самостоятельное исследовательское направление: предпосылки становления и предметное поле // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2023. № 3. С. 485-502. doi: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-485-502
25. Попова О. В. Спорт в мире технологий: этос и биополитика // *Знание. Понимание. Умение*. 2018. № 3. С. 102-111.
26. Шемякина Е. В. Философский анализ понятия «дисциплина тела» // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2014. № 169. С. 34-38.
27. Makarychev A., Medvedev S. Doped and disclosed // *Politics and the Life Sciences*. 2019. № 38. Pp. 1-12. doi: 10.1017/pls.2019.11
28. Sport, Physical Culture and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies / Ed. by Newman J. I., Thorpe H., Andrews D. L. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 2020.
29. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
30. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. Владимира Наумова под ред. Ирины Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
31. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / Сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Магистериум: Изд. дом «Касталь», 1996.
32. Фуко М. Интеллектуалы и власть/ Пер. с фр. С. Ч. Офертаса. М.: Праксис, Ч. 3. 2006.

33. Bale J. Running cultures: racing in time and space. London: Routledge, 2003.
34. Фуко М. Герменевтика субъекта (выдержки из лекций в Коллеж де Франс, 1981-1982 гг.) // Социо-Логос. 1991. Вып. 1. С. 284- 311.
35. Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе / Пер. с фр. Т. Н. Титовой и О. И. Хомы. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998.
36. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / Пер. с фр. В. Каплуна. СПб.: Академический проект, 2004.
37. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2 (65). С. 135-158.
38. Кыласов А. В. Этноспорт. Руководство пользователя: трактат. М.: Спорт, 2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой обширное, обстоятельное и весьма квалифицированное исследование, в котором обсуждается современное понимание спорта и его положения в обществе с учётом теоретического наследия М. Фуко. Достоинства статьи как научного исследования, выполненного в такой интересной области современного философского знания, как философия спорта, очевидны, и читатель сам сможет оценить их. Важнее, думается, указать на недостатки, которые вполне могут быть устранены до публикации, которой статья, несомненно, заслуживает. У статьи удачное, соответствующее предмету и в то же время «интригующее» читателя, название, но в явном противоречии с ним оказывается неудачное начало изложения. В самом деле, в первом абзаце вслед за констатацией значимости теоретического наследия М. Фуко для современной философии спорта следует обширная цитата, в которой утверждается важность внимания ... к рецепции работ Фуко в англоязычной литературе. Зачем приведена здесь эта оценка, чтобы оправдать следующий за ней «обзор литературы»? Напротив, наличие подобного обзора должно ещё быть оправдано тем, насколько конструктивно он используется исследователем для получения интересного, нетривиального результата! Присмотримся, однако, и к самой цитате. Автор этого высказывания обращает внимание на то, что англоязычная рецепция работ Фуко «формирует сейчас академический канон, задает идеологические, методологические, тематические образцы...», и т.д. И мы непременно должны следовать этому «канону», перенимать «образцы», и т.п.? Чем обусловлена подобная безапелляционность? А затем следует избыточно подробный (поскольку он не используется конкретно в представленном исследовании) обзор зарубежной литературы и менее обширный обзор отечественных публикаций, который, по мнению рецензента, можно сократить без ущерба для концептуального содержания статьи. (Отметим, что её объём составляет 1,4 а.л., что значительно превышает привычный объём журнальной статьи.) Несмотря на видимость основательности, которую создаёт перечисление публикаций, приходится констатировать, что вступительная часть не выполняет функции введения (не будем их здесь воспроизводить). (Как ни странно, в большей степени роль введения мог бы выполнить тот фрагмент, который автор выносит в заключение.) Очевидно, автору необходимо вернуться к введению и подготовить вместо не вполне релевантного содержанию обзора литературы более краткий концептуально насыщенный текст. Далее, хотелось бы порекомендовать автору сократить перечисления спортсменов, их достижений и т.п. материал, который непривычно будет смотреться именно в философском журнале; философия спорта может быть интересна широкому кругу

читателей (и большая часть статьи соответствует этой установке), но упомянутая детализация упоминаемых фактов вряд ли целесообразна. Наконец, непонятно, почему некоторые ссылки даются в самом тексте ([Ахмедова О. ...], [Гроссман В.С. ...], и т.п.), и зачем автор допускает неприемлемое для стилистики научного текста «итожа сказанное» и другие подобного рода выражения, эти ошибки должны быть устранены. Подводя итоги, следует констатировать, что статья может быть рекомендована к печати с учётом необходимости в рабочем порядке исправить до публикации отмеченные недостатки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «"Бегущие тела" под линзой Мишеля Фуко» выступают беговые практики и возможность их осмысления в терминологии властных отношений, подложенной Мишелем Фуко. Автор статьи совершенно справедливо замечает, что как сам бег, так и спортсмен-бегун могут быть осмыслены не только в рамках спортивного дискурса, но и философии, поскольку являются элементами социальных отношений. В этой статье демонстрируется возможность описания социальных практик, связанных с бегом с позиции властных отношений, с опорой на философию французского мыслителя М. Фуко как на автора «дискурса о власти».

Методология исследования, выстроенная автором, заключается в распространении принципов интерпретирования власти на отношения в спорте, в частности в беге. Автор устанавливает параллели между практиками власти и отношениями тренер-спортсмен, рассматривает возможности сопротивления власти в спорте. Подкрепляя свои послышки конкретными примерами из истории развития бега, как олимпийского спорта.

Актуальность исследования связана как с тем, что в поле зрения современной философии все чаще оказываются различные элементы социальной жизни – болезнь, различные формы досуга, спорт и др., их философское осмысление на должном уровне задача современных авторов. Анализируя ситуацию, сложившуюся в современном спортивном беге в России, автор констатирует наше фатальное отставание в этом виде спорта от мировых показателей, и связывает его с нежеланием юных спортсменов согласиться с позицией "бегущего тела", т.е. полного подчинения тренеру, которого интересуют только достижения в спорте, что ведет к нивелированию личности спортсмена. Автор полагает, что философское осмысление этой проблемы, способно изменить ситуацию.

Кроме этого, в статье справедливо отмечается, что идеи Фуко, сегодня оказывают влияние на формирование нового академического канона, задают идеологические, методологические, тематические образцы для исследователей различных аспектов современной реальности. Их применение в области философии спорта способно расширить как горизонты "сортировочного" дискурса, так и социально-философского. Научная новизна заключается в описании беговых практик с позиции властных отношений.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. Наибольший интерес для читателей, не искушенных в исследованиях спортивного и любительского бега, представляет вторая половина работы. Интересны примеры, которыми автор

иллюстрирует процесс «противостояния власти», демонстрируемый спортсменами-бегунами в виде сопротивления и трансгрессии. В части «Идейное наследие М. Фуко и некоторые проблемы современного бегового спорта», выделяются такие тенденции как: возникновение беговой зависимости, усиление контроля за бегунами при помощи технических средств, что объективирует спортсменов, использование евгеники и неоевгеники, возможность киборгизации спортсменов, использование допинга и авторитарных тренерских практик. По мнению автора, разбирающего эти тенденции, они очевидно перекликаются с процессами функционирования власти в социуме. Специалистам в области философии спорта, напротив, более интересной покажется первая часть статьи, где автор рассматривает личностные и социальные аспекты бега, и связанные с этим проблемы.

Библиография статьи включает 38 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов (в основной своей массе, не переведенных на русский язык), посвященных философии спорта, экзистенциальных аспектов беговых практик, философии М.Фуко.

Апелляция к оппонентам является одной из сильных сторон работы. В первой части статьи автор предлагает читателю подробный анализ исследований, посвященных изучаемой проблеме. Автор отмечает наиболее репрезентативные исследования, посвященные философскому анализу различных видов бега, как экзистенциальных и социальных актов, аспектам изучения как самого бега, так и спортсменов и любителей бега. К таким работам автор относит фундаментальный труд П. Маркулы и Р. Прингла, Б. Пронгера, Д. Эндрюса, работы Д. Харгривза, Д. Харви и Ж. Рейл. Автор подчеркивает особую значимость для своего исследования статей, посвященных изучению тренировочно-соревновательных беговых практик сквозь призму воззрений М. Фуко, это статьи Д. Денисона, Д. Миллса, Т. Коновала, Р. Прингла, Т. Кэссиди, П. Хессиана, Л. Джонса, З. Авнер, Д. Денисона, У. Бридела, Ж. Рейл, Д. Джонса, Э. Мэнли и Ш. Уильямса. В статье подчеркивается, что все эти публикации ранее не были представлены на русском языке и автор знакомит с их общими идеями русскоязычного читателя. Автор знаком и с отечественными исследователями творчества Фуко, обращающими внимание на сопряженность политической и спортивной сферы самореализации человека, это: В.И. Белозёрова, М. А. Богданова, Д. Куракин, И. М. Быховская, А. А. Воронин, Д.А. Старостина, О. В. Попова, Е. В. Шемякина, А. Макарычев, С. Медведев.

Статья будет интересна как специалистам в области философии спорта, так и широкому читателю, благодаря яркому и образному языку, понятным примерам и актуальности, поставленных вопросов.